

УДК 821.161.1-31.09

Н.Н. Ступницкая

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОЛЖЕНИЦЫНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Перманентные метаморфозы, происходящие на всем протяжении человеческой истории, требуют формирования специфического склада личности, способной, одновременно, впитывать новые тенденции развития социума и сохранять те моральные устои, которые являются стержневыми для самостояния каждого человека и общества в целом. С подобной задачей, с нашей точки зрения, наиболее эффективно способна справиться именно литература, имеющая в своем арсенале огромное количество выразительных средств. Одним из таких средств, широко применяемых писателями в своих произведениях, является иносказание.

Цель данной статьи состоит в выявлении иносказательных компонентов и определении их роли в солженицынских произведениях.

Иносказание, согласно Большому энциклопедическому словарю [4], – это литературный прием, заключающий в себе скрытый смысл. В узком смысле под иносказанием понимают аллегорию и аналогичные приемы, посредством которых одно явление характеризуется через другое. В широком же смысле, иносказание понимается как фундаментальная особенность искусства, о чем свидетельствует А.А. Потебня, утверждающий, что «поэтический образ каждый раз, когда воспринимается и оживляется понимающим, говорит ему нечто иное и большее, чем то, что в нем непосредственно заключено» [10, с. 341]. Рассматривая проблему иносказания Н.П. Антипов утверждает, что в «художественном произведении – мир полностью пересозданный. Потому, что мы встречаемся не со словом, которое нам известно, но с образом, который нам неизвестен» [1, с. 123-124]. Чувства и понятия, не имеющие видимой формы, становятся осязаемыми именно благодаря иносказаниям, а воплощенные в образе, они помогают наиболее точно выразить отвлеченное понятие.

© Н.Н. Ступницкая, 2017

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.843912>

Иносказание – это комплексное понятие, включающее иронию (комическое использование слов в противоположном значении, например, у И.А. Крылова – «умная голова» по отношению к Ослу), эзопов язык (так называемая, тайнопись, когда автор заменяет реальные образы животными, наделяя их соответствующими характеристиками, широко использовавшаяся М.Е. Салтыковым-Щедриным), аллгорию (художественное обособление понятий через конкретные образы, например использование образов античных богов в торжественных одах 18 в. – Марс как аллегория войны, Венера – аллегория любви), символ (образ, передающий одновременно и конкретное, и абстрактное содержание, – пёс как символ старого мира в поэме А.А. Блока «Двенадцать»), олицетворение (представление явлений природы или неодушевленных предметов в роли действующих лиц, наделяя их свойствами живого существа, как например, «лыком горе подпоясалось»).

Иносказание употребляется с различными целями: ирония создаёт комический эффект; эзопов язык необходим в связи с политическими условиями, невозможностью прямо сказать то, что нужно; аллегория отсылает к общекультурному контексту; символ показывает многогранную связь между предметами и так далее [8].

Различные виды иносказаний помогают формировать нравственные представления о нормах социальных отношений, моделях поведения и способствуют усвоению духовно-нравственных категорий.

Чтение литературного произведения – это особый вид коммуникации, эстетического общения, воздействующего на душу читателя, и имеющее большое воспитательное значение. А.И. Солженицын осознавал силу писательского слова и прибегал к различным стилистическим средствам для углубления, уточнения и усиления воздействия своих текстов.

Так, следует отметить, что при создании портрета персонажа Солженицын часто прибегает к сравнению его с животным. Такое сравнение – достаточно древний поэтический прием, восходящий к мифологии. Известно, что каждый народ имел свой тотем, чаще

всего в качестве тотема выступало какое-либо животное. В русской литературе сравнение с животным часто использовал Н.В. Гоголь. Г.А. Гуковский отмечал, что многие персонажи «Мертвых душ» похожи «...на зверей, то есть, конечно, не на настоящих, живых зверей, а на зверей фольклора, басни, древнего народного мифа» [6, с. 529]. Этот прием также встречается в прямой или скрытой форме у Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Если говорить о непосредственных предшественниках Солженицына, то, в первую очередь, следует назвать имя Е. Замятина. Об этом свидетельствует сам автор: «Замятин во многих отношениях поражает... Невероятная яркость и сила портретов у него. Иногда одним-двумя словами он дает целое лицо. Он сделал гораздо больше, чем Чехов в этом отношении. У Чехова уже была попытка не описывать какие глаза, какой рот, какой нос, а описывать каким-то сравнением... Сравнением передать лицо. Замятин идет еще гораздо дальше, он иногда одним словом схватывает портрет, до такой степени выразительно, как живописец. Я считаю, что высоты лаконического портрета никто такой не достиг, как Замятин, – это действительно поразительно» [13, с. 446].

Солженицын избегал длинных описаний, стремясь охарактеризовать персонаж каким-либо метким сравнением. Ж. Нива назвал этот прием «шутливой животной метафорой» [9, с. 140]. «Человечество – это басенный животный мир. В нем просвечивает юмор русских народных сказок и былин» [9, с. 140]. Противопоставление двух миров: тюремщиков и заключенных, усилено тем, что дано также и на природно-биологическом уровне. В «Одном дне Ивана Денисовича» охранники постоянно сравниваются с волками и собаками: лейтенант Волковой «иначе, как волк <...>, не смотрит» [12, с. 22], надзиратели «зарьялись, кинулись, как звери» [12, с. 22], «только и высматривай, чтоб на горло тебе не кинулись» [12, с. 22]. Заключенные же – беззащитное стадо. Их пересчитывают по головам. Эта оппозиция волков и овец, удавов и кроликов легко накладывается в нашем сознании на привычное басенно-аллегорическое противопоставление силы и беззащитности, расчетливой хитрости и простодушия, но здесь

важнее другой, более древний и более общий смысловой пласт – связанная с образом овцы символика жертвы.

В контексте описываемой Солженицыным эпохи амбивалетность символа жертвы, соединяющего в себе противоположные смыслы смерти и жизни, гибели и спасения, оказывается необычайно емкой. Содержательная ценность оппозиции заключена в ее связанности с проблемой нравственного выбора: принять или нет столь жестокий закон выживания. Заключенные должны были молча подчиняться и не имели права бороться, поэтому разоблачение осведомителей воспринималось как чрезвычайное происшествие и, естественно, могло пагубно сказаться не только на судьбе Доронина (персонаж романа «В круге первом»), но и на судьбе Шикина. «Девять грамм ему, гаду! – с сипением вырвались его первые слова» [11, с. 632]. Сипение-шипение является характерным признаком змеи. Известно, что при встрече со змеей человек испытывает леденящий ужас и цепенеет от страха. Змеи всегда воспринимались как нечто враждебное человеку. Сравнение со змеей является деталью, объединяющей оперуполномоченного и главного осведомителя – Сиромаху.

Приверженность к дому, живучесть выражена и в описании внешности Спиридона: «В своем малахае со смешно спадающими набок ушами, как у дворняжки, Спиридон пошел в сторону вахты, куда эзков кроме него не пускали» [11, с. 185].

В данном случае сравнение персонажа с животным основано на внешнем сходстве, что, однако, не умаляет символической значимости этого образа.

Подобную же функцию выполняет сравнение с лошадью при описании внешности Потапова. «Несмотря на хромоту, он шел быстро, шею держал напряженно выгнутой сперва вперед, а потом назад, глаза щурил и смотрел не под ноги, а куда-то вдаль, как бы спеша головой и взглядом опередить свои немолодые ноги» [11, с. 744]. Символическая насыщенность образа не вызывает сомнения – лошадь в нашем сознании четко ассоциируется со способностью трудиться без отдыха, с преданностью и надежностью.

Интересным видом иносказания, используемым Солженицыным в своих произведениях, является ироническая опосредованная характеристика персонажа путем вкрапления несобственно прямой речи в акториальное повествование, что позволяет сделать текст более психологически насыщенным. Так, характеристика, данная Сталиным Тито в романе «В круге первом»: «Скольким миллионам людей она откроет глаза на этого тщеславного, самолюбивого, жестокого, трусливого, гадкого, лицемерного, подлого тирана! гнусного предателя! безнадежного тупицу!» [11, с. 137], является опосредованной характеристикой самого персонажа.

«(Глупцы! И глупо их возмущение – как будто он сам, а не свежая инструкция придумала этот порядок!)» [11, с. 254]. Олицетворение позволяет Солженицыну показать не только призрачность власти подполковника Климентьева и других руководителей, но и обезличенность советского общества, главенствующая роль во всех сферах жизни которого отводится инструкциям. Подобный антропоморфизм определяется писательским мироощущением и восприятием жизни советского общества. Однако именно засилье инструкций дает возможность Климентьеву делать заключенным поблажки. Он понимал, что праздничные вечера самые тяжелые и стремился добиться для заключенных разрешения на установку елки. «В инструкциях написано было, что запрещаются музыкальные инструменты, но о елках нигде ничего не нашли, и потому согласия не дали, но и прямого запрета не наложили» [11, с. 206]. Подобное положение вещей дало подполковнику возможность разрешить установку елки в марфинской спецтюрьме.

Символическая насыщенность описания Смолосидова, который постоянно находился в комнате, «...за весь день не уйдя из комнаты ни на минуту, сидел у магнитофонной ленты, сторожа ее как хмурый черный пес, и смотрел им в затылки, и этот его неотступный тяжелый взгляд давил им на череп и на мозг» [11, с. 652], свидетельствует об особой роли персонажа. Пес ассоциируется в нашем сознании с охранником, не пропускающим чужих на вверенную ему территорию, находящимся на границе двух

миров. Введя подобную символическую деталь, писатель свел в одной комнате два мира, продемонстрировав, тем не менее, их чуждость и враждебность друг другу.

Следует, с нашей точки зрения, обратить внимание на символику цвета в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Примечательно, что на вечеринке Динэра одета в черное платье, Дотнара – в вишневое, что иносказательно соотносит героинь с королевством дантовского Сатаны, символизирующимся тремя сатанинскими лицами: красным, желтым и черным. Одев Клару в зеленое платье, писатель обособляет героиню от представителей царства тьмы. Перед звонком в американское посольство, Володин замечает следующие цвета: «Красное «М» над метро чуть затягивало сизоватым туманцем. Черная южная женщина продавала желтые цветы» [11, с. 14]. Подобная цветовая гамма символизирует погружение героя во мрак преисподней и катастрофичность поступка персонажа, отделившего от мира «живых», то есть вольных и перемещение его в мир «мертвых», то есть заключенных.

Примечательно поведение Осколупова при докладе Ройтмана о результатах работы. Заявление Рубина о возможной невинности одного из подозреваемых Фома Гурьянович не принимал во внимание. Он даже не предполагал, что это важно. «Совсем уж ни в чем и не виновен?.. Органы найдут, разберутся» [11, с. 656]. Цитата представляет собой аллегорическую отсылку к понятию первородного греха. Сатирический эффект создается за счет сопоставления христианской антропологии (понятие «первородный грех») и атеистического мышления большевиков, не осознававших невозможность вменения всеобщей виновности с человеческих позиций.

Примечательно, на наш взгляд, еще одно высказывание, использованное А.И. Солженицыным, когда Ройтман говорил на совещании о планах: «Однако сеял он – на камне» [11, с. 566]. В связи с этим, вспоминается притча Христа о зернах, брошенных сеятелем: «Иное упало на места каменистые, где не много было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло» [3, с. 15]. В широком

использовании библеизмов проявляется одна из важнейших особенностей художественного видения Солженицына – временное в его связях с вечным.

Представленный в данной статье материал, позволяет сделать вывод, что А.И. Солженицын широко использовал разные виды иносказания, а именно: иронию, сравнения с животными, аллегория, олицетворение, символы в качестве иносказательных элементов в своих произведениях для усиления воздействия на читателя, придания глубины своим произведениям, демонстрации их онтологической связи с морально-нравственными устоями и культурными ценностями народа. Актуальность изучения данного аспекта состоит в том, что он заставляет читателя искать скрытый смысл иносказания, доискиваться до его истоков и глубинного содержания, тем самым погружаясь не только в культурную историю страны, но и извлекая из нее уроки, делая выводы и находя им применение в настоящем. Иносказания делают произведения богаче, раскрывая его глубинный смысл, связывая прошлое, настоящее и будущее.

Литература

1. Антипьев Н.П. Художественная коммуникация: иносказание. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 1 (17). С. 119–128.
2. Белопольская Е. В. Роман А.И. Солженицына «В круге первом»: Проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Ростов на Дону, 1996. 180 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. [Перепечатано с Синодального издания]. Chicago, USA, 1990. 1226 с.
4. Большой энциклопедический словарь: [А–Я]. Москва, Санкт-Петербург: Большая рос. энцикл.: Норинт, 1997. 1434 с.
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Баку: Азернешр, 1988. 320 с.
6. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. Москва–Ленинград: Гослитиздат, 1959. 531 с.
7. Данте Алигьери. Божественная комедия. Пермь: Пермская книга, 1994. 479 с.

8. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. Москва: Росмэн, 2006. 584 с.
9. Нива Ж. Солженицын. Москва: Художественная литература, 1992. 189 с.
10. Потехина А.А. Эстетика и поэтика. Москва: Искусство, 1976. 614 с.
11. Солженицын А.И. В круге первом. Москва: Художественная литература, 1990. 766 с.
12. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений: в 7 т. Москва: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 3. 1991. 288 с.
13. Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.- Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2. 1996. 624 с.

Анотація

Н.М. Ступницька. Інакомовні компоненти солженіцинських творів

Стаття присвячена виявленню інакомовних компонентів у творчості О.І. Солженіцина. Виявляється комплексний характер інакомовлення, що містить у собі іронію, езопову мову, алегорію, символ, персоніфікацію. У статті висловлено думку, що відчуття й поняття які не мають візуальної форми, набувають відчутності саме завдяки інакомовленням, а втілюючись в образі, допомагають найбільш влучно висловити абстрактне поняття.

Інакомовлення вживається з різною метою: іронія створює комічний ефект; езопова мова необхідна у зв'язку з політичними умовами, неможливістю відверто сказати те, що треба; алегорія відсилає нас до загальнокультурного контексту; символ демонструє багатогранний зв'язок між предметами тощо. Різні види інакомовлень допомагають формувати моральні уявлення про норми соціальних відносин, моделях поведінки и сприяють засвоєнню духовно-моральних категорій. На матеріалі роману «В колі першому» проаналізовано використання інакомовних елементів у творчості письменника, визначена їх роль у його творах. Зроблено висновки, що О.І. Солженіцин широко використовує іронію, порівняння з тваринами, алегорію, персоніфікацію, символи як інакомовні компоненти власних творів.

Ключові слова: інакомовний, іронія, алегорія, символ, персоніфікація, відчутність, абстрактне поняття, комічний ефект.

Аннотация

Н.Н. Ступницкая. Иносказательные компоненты солженицынских произведений

Статья посвящена выявлению иносказательных компонентов в творчестве А.И. Солженицына. Выявляется комплексный характер иносказания, включающий иронию, эзопов язык, аллегория, символ, олицетворение. В статье высказывается мысль, что чувства и понятия, не имеющие видимой формы, становятся осязаемыми именно благодаря иносказаниям, а воплощенные в образе, они помогают наиболее точно выразить отвлеченное понятие.

Иносказание употребляется с различными целями: ирония создаёт комический эффект; эзопов язык необходим в связи с политическими условиями, невозможностью прямо сказать то, что нужно; аллегория отсылает к общекультурному контексту; символ показывает многогранную связь между предметами и так далее. Различные виды иносказаний помогают формировать нравственные представления о нормах социальных отношений, моделях поведения и способствуют усвоению духовно-нравственных категорий. На материале романа «В круге первом» проанализировано использование иносказательных элементов в творчестве писателя, определена их роль в его произведениях. Сделан вывод, что А.И. Солженицын широко использует иронию, сравнения с животными, аллегория, олицетворение, символы в качестве иносказательных компонентов своих произведений.

Ключевые слова: иносказательный, ирония, аллегория, символ, олицетворение, осязаемый, отвлеченное понятие, комический эффект

Summary

N.N. Stupnitskaya. Allegorical components of Solzhenitsyn's works

The article is devoted to identification of the allegorical components in the work of A.I. Solzhenitsyn. The complex nature of allegory including the irony, Aesop language, allegory, symbol, and personification is revealed. The article expresses the idea that feelings and notions that have no visible forms, become tangible thanks to the allegories, and being embodied in an image they help to express an abstract concept most accurately.

Allegory is used for various purposes: irony creates a comic effect; Aesop language is necessary due to the political conditions, when you don't have an opportunity to say directly what you want; allegory refers us to the general cultural context; symbol shows the multifaceted relationship between objects

and so on. Different kinds of allegories help to form the moral understanding of the rules of social relationships, behavioral patterns and promote the assimilation of spiritual and moral categories. Using of allegorical elements in the work of the writer is analyzed on the material of the novel “The First Circle”. The role of allegorical elements in Solzhenitsyn’s works is defined. It is concluded that A.I. Solzhenitsyn uses widely irony, the comparison with animals, allegory, personification, symbols as allegorical components of his works.

Key words: allegorical, irony, allegory, symbol, personification, tangible, abstract concept, comic effect.

Інформація про автора

Ступницька Наталія Миколаївна – ORCID: 0000-0002-7560-0049; кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна; майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна